

НАДО ЛОМАТЬ СТЕРЕОТИПЫ - ТАК СЧИТАЕТ РЕЖИССЕР И БАЛЕТМЕЙСТЕР ПАВЕЛ БРЮН ДЕ СЕНТ-ИППОЛИТ



Нынешним летом в Москве проходили гастроли труппы "Цирк Валентин". На афише значилось: режиссер-постановщик Валентин Гнеушев, хореограф Павел Брюн.

С некоторых пор два этих имени постоянно упоминаются вместе. О том, как складывался этот творческий дуэт и о многом другом с ПАВЛОМ БРЮНОМ беседует наш корреспондент ТАТЬЯНА САВИНА.

- Мы считаем это обязательным. Через степ актер учится "адаптировать" ритм своим телом. В основе шоу-бизнеса лежит ритм. А наилучший сплав ритмики и пластики - это степ. Люди славянского типа, с которыми нам в основном приходится работать, "мыслят" не ритмически, а мелодически. После занятий даже в номерах, где степ, казалось бы, вовсе не нужен, происходит качественный сдвиг.

- В мастерскую Гнеушева попасть не так-то легко. У Вас сложилась своя, особенная система занятий. Не потому ли к Вам так стремятся многие?

- Мы не просто готовим номера, а предлагаем артисту переосмыслить подход к своему телу, готовим не цирковых артистов, а актеров цирка. Здесь мы отработаем элементы, которые затем будут исполняться в номерах. Это не просто разминка, а актерский тренинг.

- В журнале "Советская эстрада и цирк" недавно было опубликовано интервью с дрессировщиком Николаем Павленко. Среди своих учителей он называет и Вас, рассказывая, что Вы научили его... носить фрак. Насколько это было важно для восприятия номера?

- Разве можно ходить одинаково в лаковых туфлях и в валенках? Одна из задач наших занятий - научить артистов ощущению себя в разных ситуациях. Комплекс упражнений, который мы разрабатывали долгие годы, помогает двигаться, "осознавая" свою динамику.

Иногда кажется, что артист тебя не поймет. Но в цирке есть очень талантливые люди; посмотрите, как тот же Павленко движется во фраке - как будто носил его всю жизнь.

Театрализация, момент игры важен и в "закулисной" жизни. Настоящий артист должен всегда ощущать себя и вести как неординарная, творческая личность. Как писал Н.Заболоцкий, "не позволяй душе лениться". А идти на поводу у своих привычек проще всего.

Я вот, например, был заедлым курильщиком. Но однажды мой духовник напомнил слова П.Флоренского, назвавшего курением "бесовским кадилом". Задумался всерьез - чему я мешаю в своей душе, чему "пою гимны". И здоровью, конечно, это мешало. Бросил и больше никогда не возвращался к этому.

Когда начинаешь расслабляться, делать себе поблажки, потихоньку становишься ему - помните персонажей Свифта - которым только бы поесть да поспать. Важно мобилизовать свою волю и жить, как должен жить Человек, а не стадное животное. Артист же просто обязан совершенствоваться, быть интересной личностью.

- А что Вам интересно в самом себе?

- Например находиться в диалоге со своим внутренним "я", просыпаться по утрам и видеть каждый раз в зеркале другого человека. Однажды я встал на себя и ужаснулся: передо мной был тип, весящий в ту пору 90 килограммов. Через полгода занятий бегом я сбросил 18 из них.

- Призывая держать "форму" других, Вы, конечно, обязаны не выходить из нее сами. Как Вам это удается?

- Все тот же бег, каждый вечер по 14 км по набережной Москвы-реки. Ну и на репетициях, конечно, нагружаю себя не меньше других.

- Вот и складывается постепенно Ваш портрет. А расскажите еще что-либо о себе без моих вопросов.

- Люблю собак, лошадей, всякую сельскую живность. Дома у меня тоже есть пёс.

- Попытайся себе его представить - говорят, собаки похожи на своих хозяев. Вероятно, это утонченный, элегантный сеттер или...

- Бульдог по кличке Флинт - умнейшее существо, разве что говорить не умеет. Даже иной раз не понятно - пес ли он или какая-то неизменная личность.

- Судя по Вашим решительным поступкам, в жизни Вас ничего не страшит.

- Боясь старости. Но не физической. Вы ведь знаете балетмейстера и прекрасного артиста Петра Львовича Гродницкого. Он - человек не самого юного возраста, но как молод душой! Когда я смотрю на него - хочется жить. Я боюсь старения души, внутреннего безразличия.

- По-моему, Вам это не грозит. Я помню Ваши решительные выступления на режиссерской коллегии Союзосцирка - вот уж равнодушным Вас никак не назовешь. Всегда по делу и "не взирая на лица", хотя при этом довольно тактично.

- Ну вот, мы вернулись опять к цирку. Я считаю, что на режиссерской коллегии не должно быть идиллии, лишь бы никого не обидеть, "всем сестрам по серьгам". Пусть это будет "сито", заранее отсеивающее слабые, шаблонные номера, которых в системе уже предостаточно.

- В экспериментальную мастерскую Вы берете, в основном, тех, кто нацелен на создание новых номеров, а не стоит ли поработать с Вами тем, у кого полностью сложился трюковой репертуар, определился стиль номера?

- Предположим, мы научим артиста за короткий срок ходить помяче или смотреть поприветливее. Но ведь это не меняет сути, и такой "макияж" не надолго.

Зачастую артист, освоивший трюки, считает, что уже достиг совершенства и он-де - соблюдает законы жанра. Вот и дособлюдался. Номеров аналогичных море, и опять "плодятся" новые, глущатся хвалебные рецензии, вместо того, чтобы сказать: однообразно, скудно.

Цирк не должен быть искусством притворной радости - это мое твердое убеждение.

Потому так важно вовремя переосмыслить то, что ты делаешь, взглянуть на себя другими глазами - не "не закостенел" ли ты в своем подходе к номеру, и, если чувствуешь, что исчерпал себя, иметь мужество уйти. Надо ломать стереотипы - это очень важно. Вот, хотя бы, номер Одинцовых. В первоначальном варианте у них были приличные трюки, но они оказались способными на решительный (особенно в ту пору!) шаг - предстали на манеже строителями.

- Вспоминаю эффектную защиту Гнеушевым сценария этого номера. Тогда ребята пришли на режколлегию в касках строителей и робах, уверенные в своей правоте, увлеченные. Они заставили поверить присутствующих в правомочность таких "прозаических" образов в цирке.

- Но это не был окончательный вариант номера. Теперь он идет в салонном плане. Не теряя трюкового материала, артисты пробуют себя в новом амплуа. И это признак жизнеспособности номера.

- Вы были в Париже, теперь "Цирк Валентин" едет в Америку. Как Вы думаете, чем "те" артисты и зрители отличаются от "наших"?

- У многих из нас не развито спонтанное восприятие. В западных цирках даже на самую малую удачу артиста следует шквал аплодисментов. Зрители благодарят за доставленное удовольствие. Они пришли отдохнуть, не нравятся - уходят, берегут свое время, любопытно - показывают это, не тормозят своих эмоций. Важно "раскачать" самого себя. В жизни так много интересного.

- А что, на Ваш взгляд, сейчас нового в цирке?

- Гнеушев. И еще - цирки "Архаус" и "дю Солей".

- Так значит, "Цирк Валентин" - это новое слово в истории цирка?

- Скорее, хорошо забытое старое. Он отличается, прежде всего, отношением артиста к своему делу, к актерскому "я". Хотя на наших спектаклях Вы увидите немало уникальных трюков, трюк для нас не самоцель, а одно из выразительных средств. В цирках "дю Солей" и "Архаус" не слишком много серьезной трюковой работы, и все же это - настоящее искусство.

- В создании каких номеров программы Вы принимали непосредственное участие?

- Во всех, за исключением "Соло на барабане" А.Фриша и эксцентриады с роялем П.Баяринова и А.Иванова.

- Трудно описать рождение художественного образа, и все же...

- Это раздумья и поиск. Номер "Воздушные турники-перезвоны", например, сначала мыслясь нами на музыку Гершвина, помните его "Голубую рапсодию"? 5 месяцев занимались в классе, еще столько же - в воздухе. "Собрали" номер и поняли, что нужно совсем иное музыкальное решение. Гнеушев услышал во Владимире хорую капеллу. Казалось бы, цирк и хор - как это совместить? Но Валентин - режиссер, свободный от стереотипов, сумел почувствовать это и убедить всех нас. Получилось ли - судить зрителям.

- Вы довольны спектаклем? Все ли удалось, что было задумано?

- В целом, да. Наши ребята совершили просто героический поступок - за 3 дня репетиций нам удалось перейти от манежного варианта к сценическому. А ведь многое надо было выстроить по-иному. Но и это не окончательный вариант. Еще не завершена работа над костюмами, над музыкальным оформлением программы. Для нашего спектакля собирается написать музыку американский композитор Бобби Прэвит. Если получится интересно - мы не откажемся. Предстоит и дальнейшая работа над образами спектакля. Постараемся больше "развить" присутствие Геннадия Чижова и Александра Фриша, появятся "сквозные персонажи".

- В конце спектакля артисты танцуют степ. Вы считаете такой финал новацией?

- Степ, конечно, не есть нечто новое, но то, что его исполняет вся труппа и не танцоры-степисты, а артисты цирка - это, я думаю, интересно.

- В спектакле участвуют детские номера. Каково Ваше отношение к детскому цирку вообще?

- Если это нравится ребенку, наполнено игрой, а не муштрой, я только - за. Но нельзя строить бизнес родителей "на костях" своих детей. У ребенка должно быть детство.

- Вскоре "Цирк Валентин" направляется на гастроли в США. На каких площадках Вам предстоит там работать?

- В начале октября мы должны начать представления в Бостоне, будем работать на сценических площадках, в том числе и в знаменитом Ванг-центре - это нечто подобное нашему Большому театру.

- Это тем более престижно, что артисты цирка там будут выступать впервые.

- За 9 месяцев работы в США мы должны дать спектакли в 41 городе. На конец октября планируются наши выступления в театре Гершвина на знаменитом нью-йоркском Бродвее.

- Гастроли в Америке, можно надеяться, пройдут успешно. А каковы дальнейшие планы труппы?

- Большой потенциал мы видим в актерах, которые участвуют в программе. С этим связаны и наши перспективы.

- Что бы Вы пожелали себе?

- Покоя и воли. В том смысле, чтобы меньше корить себя даже за мелкие недостатки. Знаю, что нет предела совершенству и, все равно, смотрю наше шоу и каждый раз заново переживаю, если хоть что-то не так.

- Когда-то Антуан де Сент-Экзюпери сказал, что "красота не в пустыне, а в душе араба". И все же, я Вам желаю, чтобы на Ваших спектаклях зрители учились чувствовать и ценить подлинную красоту.

Фото А.ПИГАРЕВА